

«НЕ ЕВШИ СТРЕЛЯТЬ НЕ БУДУ»: О НАСТРОЕНИЯХ УЧАСТНИКОВ ПОХОДА В ЗАПАДНУЮ БЕЛАРУСЬ В СЕНТЯБРЕ 1939 г.

Петровская О.В.

УО «Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина»

7 сентября 1939 г. в семи из четырнадцати военных округов СССР под видом Больших учебных сборов (БУС) началась скрытая мобилизация. Уже 11 сентября на базе Белорусского особого военного округа (БОВО) был развернут Белорусский фронт (БФ) под командованием командарма 2-го ранга М.П. Ковалева с целью осуществления военных действий на территории Польши, но затянувшаяся оборона поляками Варшавы задержала выступление советских войск до 17 сентября.

В частях БФ насчитывалось от 200 802 [8; 87] до 378 610 [7; 118] солдат и командиров. Среди них были люди разного возраста, профессий, социального и семейного положения, этнической принадлежности с разными представлениями о советской власти и целесообразности предстоящей военной кампании. Очевидно, что настроения в армии имели важное, подчас решающее значение, для осуществления военно-стратегических, агитационно-пропагандистских и организационно-управленческих задач, которые были поставлены советским руководством перед частями БФ в ходе марша в Западную Беларусь.

Психологическому состоянию воинских коллективов советским руководством уделялось самое пристальное внимание. Задача укрепления боевого духа и правильного понимания контингентом исходящих директив возлагалась на политорганы, применявшие разнообразные агитационные и воспитательные средства. Пропаганда в РККА носила тотальный характер, а военнослужащие находились под постоянным политическим контролем. Вместе с тем в армии существовала подпольная, скрытая от официального руководства жизнь. Этот факт хорошо осознавало руководство БОВО: «Красноармейцы с утра до вечера обсуждают все то, что им заблагорассудится, часто обсуждают не то, <...> но никто об этом не знает: не знает ни командир, ни комиссар, ни политорганы» [12; л. 35].

Официальные речи военнослужащих, соответствующие шаблону официальной пропаганды, не всегда соответствовали их действительным мыслям. Информация о настроениях в армии, как позитивных, так и негативных, содержится в донесениях политорганов и особых отделов о морально-политическом состоянии войск, сообщениях военных корреспондентов, многочисленных письмах и жалобах красноармейцев.

В настоящей работе, на основе документов Российского государственного военного архива, рассматривается влияние событий «освободительного похода» в Западную Беларусь в сентябре 1939 г. на изменения в умонастроениях ее непосредственных участников – военнослужащих Красной армии.

В 1930-е гг. в СССР сложился тип человека, который апеллировал к войне, ждал ее. По мнению В.А. Токарева, демонстрация преданности режиму в критической ситуации нужна была советскому человеку для того, чтобы уберечься от репрессий [28; 400–401]. Тем более, что война в советской пропаганде не ассоциировалась с очевидной опасностью. В первую очередь жаждала побед молодежь, которая рвалась на передовую [13; л. 20]. Призывники 1918–1919 гг. рождения в период мобилизации демонстрировали наибольший подъём. Их активность выходила за рамки потребностей [13; л. 125–126]. Они же проявляли заметное нетерпение скорее выступить в бой: «Я жду с нетерпением приказа

выступить в бой на защиту нашей родины» [23; л. 4]; «Нам надоело слушать всех этих английских и французских дипломатов. Мы желаем скорее встретиться с врагами и встряхнуть их так, чтобы они не могли опомниться никогда» [24; л. 101]. В. Катаев в своих путевых заметках отмечал: «Это чувство горячего, молодого нетерпения испытывали все бойцы <...>. Это же чувство испытывал и я, дожидаясь несколько дней в Минске выезда в Западную Белоруссию» [4; 19].

Вместе с тем до 14 сентября военнослужащие плохо понимали, с кем и за что надо воевать. Главным противником они продолжали считать Германию. Как сообщал посол Шуленбург 6.09.1939 г.: «...Неожиданное изменение политики советского правительства после нескольких лет пропаганды, направленной именно против германских агрессоров, все-таки не очень хорошо понимается населением. Особенные сомнения вызывают заявления официальных агитаторов о том, что Германия больше не является агрессором» [10; 91]. Хотя Польша и входила в число потенциальных врагов Советского союза, но по количеству карикатур, например, в журнале «Крокодил» в 1930-е гг. она занимала лишь шестое место после других капиталистических врагов СССР. Таких высказываний, как «не позволим польским панам вступать на советскую землю» во время БУС было не много [23; л. 25]. Беды ждали от немцев. Мобилизованные говорили: «Все погибнем там. Немец разобьёт» [13; л. 113].

К фашистским государствам, подлежащим уничтожению, по свидетельству Г. Димитрова, Польша была причислена Сталиным 7 сентября 1939 г. [2; 80]. Армия же узнала о необходимости освобождении белорусов и украинцев из-под ига польских панов только после передовой «Правды» «О внутренних причинах военного поражения Польши» и директивы Л.З. Мехлиса. Но полная определенность появилась в ночь с 16 на 17 сентября. Образ врага был очерчен предельно ясно. Противник имел не только классовую, но и выраженную этническую окраску и получил совокупное название «белополяки». В художественной интерпретации облик неприятеля имел хищный оскал («проклятые волки Панской Польши») и уничижительные коннотации («белый цыпаный орёл») [11; 268, 270].

Такой поворот событий вполне отвечал настроениям советских граждан. Симпатий к Польше в советском обществе не было из-за поражения в советско-польской войне 1920 года. В силу этого идеологическая концепция мобилизации детерминировала призыв в армию людей старшего возраста, которые могли быть участниками и свидетелями этих событий. Настроения реванша активно подпитывались во время БУС: «Мы им напомним 1919–20 годы» [23; л. 6]. Желание мести было характерно и для молодого поколения. Комсомолец Колесников говорил: «У меня погибло два брата за освобождение Белоруссии от белополяков, теперь мне будет возможность отомстить белополякам за братьев» [24; л. 109].

В то же время старшее поколение, пережившее гражданскую и империалистическую войну, смотрело на перспективы войны без энтузиазма. По свидетельству И. Данилова: «Среди солдат было много лиц старшего, непризывного возраста <...> Они вели себя сдержанно, на вопросы отвечали вяло» [1; 57]. Одним из мотивов отрицательных настроений были неустроенные домашние дела. Мобилизация проводилась в период самой горячей сельскохозяйственной поры. Призывали не только людей, но и лошадей и транспорт. Поэтому призыв на сборы вызвал беспокойство: «Кто будет кормить семью. В колхозах не будет хлеба – всех забрали на сбор»; «Семья дома задыхается с голоду. Ходят голые и босые». Красноармеец Федулов записал в дневнике, что 14.09.1939 году в селе Ижевском на сборный пункт пришло много женщин, некоторые кричали: «Берут мужиков,

кто работать будет теперь, ничего не обмолочено, оставят с детьми без хлеба, пусть бы уж лучше нас брали». Многие призванные из запаса поэтому не испытывали большого воодушевления от предстоящего похода, в ходе сборов они завидовали тем, кого забраковали органы НКВД из-за арестованных отцов [13; л. 18, 113]. Некоторые жаловались на тяжесть службы в РККА [24; л. 111].

В ходе БУС имели место и открытые антисоветские выступления. Так, красноармеец Попков заявил: «Не хочу служить в армии, мне защищать нечего. Советская власть обманывает людей, нас ведут на бойню, а в колхозах голодающие рабочие получают гроши» [24; л. 35]. Боец Гудков из Калининской области отказался от присяги: «Я православный, единоличник, ненавижу колхоз, потому что меня ограбили: советская власть взяла у меня в 1936 году за сельхозналог две конюшни, один амбар, один сарай, лошадь, корову, приусадебный участок, весь инвентарь...» [23; л. 18]. Солидарен с ним был и мобилизованный Пименов, осуждённый 29.08 1939 года за неуплату сельхозналога [14; л. 80]. За подобное открытое выражение идеологических убеждений, как и за любые «антисоветские разговоры», призывников «с границы изымали», немедленно удаляли в тыл и сообщали в НКВД и прокуратуру. Однако, несмотря на такую идеологическую зачистку, беспорядок в мобилизации привел к тому, что в частях БФ оказались и судимые, и лишенцы [13, л. 113].

С началом похода неопределённость и неожиданность первых дней сентября сменилась осознанием военными собственной значимости, соучастия в происходивших важных событиях. Приказ о переходе границы встретили с восторгом. «Сколько горящих глаз, мужественных радостных лиц», – записал военный корреспондент [6; 4]. Верх взял патриотический порыв. Значительная часть красноармейцев хотели идти в бой и «горели желанием увеличить в десятки раз славные ряды героев нашей родины» [15; л. 350]. Триумфальное шествие РККА – относительно легкие победы, радушные встречи – усилили проявление идеологической солидарности. С 17 по 30 сентября в частях БФ было принято 2417 заявлений в партию и 1500 в комсомол [13, л. 117].

Не без помощи политорганов комбатанты убеждались, что страна доверила им «выполнение великой исторической цели» [3: 41]. «Освободительный поход» давал шанс стать героем. Ведь не всем выпало великое счастье «идти в бой за свою страну, за свою партию, за любимого Сталина» [11; 241]. Культивировавшееся в массовом сознании героическое поведение на войне предполагало презрение к смерти и боли, взаимовыручку, неоправданный риск, предпочтение смерти плену и т. д. Красноармейцам «хотелось опасностей, схваток. битв» [11; 274]. Однако польская кампания, с отсутствием реального противника, не обеспечивала условий для проявлений массового героизма. Участники похода сокрушались: «Только разве это война?! Мы идём, а паны тикают. Жмут – не угонишься»; «Отмахали до черта километров, а врага так и не видали» [11; 274, 329]. Польские солдаты вели себя не по правилам войны: «Порой встречались польские воинские подразделения без оружия <...>. Увидев красноармейские колонны, они кричали «Ура!» и приветливо махали руками, подбрасывая в воздух конфедератки» [5; 25]. Стремление прославиться, во что бы то ни стало, вело к тому, что бойцы старались приписать себе и товарищам как можно больше боевых заслуг. Так, два командира полков Тимошенко и Силюк отправили ложные донесения о боях и захвате пленных [16; л. 355]. Для многих была характерна тенденция: считать противниками всех солдат, идущих домой. Комдивы Ахлюстенко и Черидниченко не могли договориться о том, кто первым занял Вильно. Командир и комиссар одной из частей 10-й армии, чтобы получить награду, сильно приукрасили боевые заслуги при овладении Лидой [17; л. 180, 204, 206].

Численная слабость польских войск на западной границе СССР, отсутствие организованного сопротивления противника, высокие темпы продвижения позволили назвать освободительный поход «военной прогулкой» [25; л. 246]. А по выражению командующего БФ М.П. Ковалева, «это были большие военные маневры с обозначенным противником» [12; л. 235]. Однако участники событий едва ли согласились бы с тем, что в сентябре 1939 года совершили легкой прогулкой по территории Западной Беларуси. За пять дней был осуществлен марш в 450–500 км. В итоге 25-я танковая бригада шла без остановок 21 час [13; л. 3358, л. 74]. 48-й кавалерийский полк 18.09.1939 года двигался целый день и целую ночь. После двух часов отдыха всадники двигались еще сутки. Красноармейцы засыпали в седлах, под дождем снимали с себя плащ-палатки и накрывали ими лошадей [18; л. 605–606]. К этому следует добавить, что среди участников похода было много мобилизованных с гражданскими ценностями и притязаниями, а части БФ, особенно прибывшие из-за пределов БОВО, были плохо обмундированы. «Больные с температурой тащились за обозом, так как на повозке ехать холодно – не было тёплой одежды» [19; л. 205]. Базы продовольственного снабжения во время похода показали очень большую неповоротливость, и во время марша ощущался недостаток даже хлеба и соли [12; л. 39]. В ряде частей во время похода были случаи, когда красноармейцы не получали хлеба по 2 дня, и вынуждены были заходить просить его у крестьян. Отсутствие полноценного питания в условиях изнурительного марша и декларированной боевой обстановки провоцировало у участников апелляции к предшествующему негативному военному опыту: «Нас гонят как в империалистическую войну. Столкнешься с противником, нас всех перебьют» [13; л. 91]. Старший лейтенант Городниченко говорил красноармейцам: «Хлеба не дают, наверное, потому, что как видно хотя как в 1920 году довести голодными до Варшавы, чтобы нас там разбили» [14; л. 60].

Бойцы плохо понимали необходимость столь стремительного марша без удовлетворения элементарных жизненных потребностей: «Войны никакой нет, а нас все гонят неизвестно куда. В СССР столько машин, а нас заставили ходить. Нам положено ехать на машинах» [13; л. 191]. Чувствуя себя обделенными, они по традиции обвиняли во всем командиров: «Командирам нас не жалко, пусть бы они сами прошли столько. Давай ночевать, дальше не пойдём» [19; л. 64]; «Командиры едят булки, а нас водят как баранов, куда неизвестно, и не кормят. Не евши, стрелять не буду»; «Сосут с нас кровь, не дают хорошо кушать». Люди требовали отдыха и еды: «Дальше не пойдём, нужно сначала накормить»; «Хлеба дают мало, совершать марш не буду голодный, идти не могу» [13; л. 51, 91, 191]. Бессмысленные тяготы вызывали ощущение несвободы и насилия: «Что нас гонят как каторжных, даже не дают отдохнуть, все равно как в тюрьме» [26; л. 262]; «Лучше бы меня посадили в тюрьму, чем голодным идти 600 км» [14; л. 60].

Конечной целью похода была идея объединения белорусов и воссоединения их в «дружной семье народов СССР», что предопределило расширение представителей этой этнической группы в частях Белорусского фронта. Учитывалось, что они с большим воодушевлением пойдут в бой «за угнетённых братьев», а также необходимость ведения агитации на белорусском языке среди местного населения. 3-я, 11-я и 4-я армии БФ формировались из армейских групп БОВО, но конно-механизированная группа использовала личный состав Калининского военного округа, а управление 10-й армии создавалось на базе управления Московского военного округа [7; 326]. При выраженном интернационализме советских людей и безграничной вере в правильность решений советского руководства, все же не все красноармейцы понимали официальные лозунги кампании. Пред-

посылками могли быть собственные материальные и бытовые приоритеты: «Поляки живут спокойно, а мы за них голодаем» [13; л. 91]. «Мне нечего завоевывать. У меня как была в руках лопата, так она и останется» [23; л. 76]. «Гонят нас всё равно как собак, а у нас своей земли хватает» [14; л. 120]. Очевидно, что в таких условиях менялось и отношение к местному населению: «Пусть они сами добьются хорошей жизни, сегодня нас «просят» одни, завтра – другие» [20; л. 396]; «Нам не нужно помогать братьям по классу, пусть они сами себе завоевывают право и живут, как хотят»; «Всех не освободить, за Белоруссией пойдет Бессарабия, а там и других надо будет освобождать» [19; л. 64, 146]. Позже красноармеец Егоров напишет в письме другу, что над словом «просят» смеются, потому что никто Красную армию не просил, а слово придумано для оправдания [20; л. 396].

Были и явные сомнения в превосходстве советской модели общественно-экономического устройства, которая предлагалась белорусам: «Если там (в Западной Белоруссии – *О.Л.*) найдутся дураки, то их обманите, и они пойдут в колхозы» [26; л. 263]. Тем более что уровень благосостояния части местного населения приводил многих военнослужащих к выводам, которые были прямо противоположны стереотипам официальной пропаганды о плохой жизни в Польше: «В Западной Белоруссии живут гораздо лучше, чем в СССР, много товаров и всё дешёво» [24; л. 176]; «Они живут хорошо, чисто одеты, культурно, домики белые» [19; л. 64].

В официальном дискурсе Западная Беларусь фигурировала как «братская земля». Однако для тех, кто мыслил в соответствии с утвердившейся оборонительной доктриной, она оставалась чужой: «Советский союз потерял доверие перед всем миром, так как говорили, что нам чужой земли не нужно, а сами вторглись в Польшу» [14; л. 115]. Среди красноармейцев были отмечены разговоры о том, что они не освобождают Белоруссию, а захватывают ее и научились этому у Гитлера.

Новый тезис о войнах справедливых и несправедливых, предполагавший наступательные действия, не мог так быстро найти опору в массовом сознании: «Мы идём помогать, а я считаю, что это такое же нападение, как делают другие страны» [13; л. 91]. Красноармеец Романенко утверждал: «Мы неправильно переходим границу, ведь наша политика мира» [21; л. 417]. Подобные высказывания были характерны и для политруков и выходили далеко за пределы Белорусского фронта.

Вместе с тем расширение пределов СССР крепило патриотические чувства и усиливало гордость за могущество великой страны. Политорганы поддерживали в комбатантах уверенность в выполнении великой исторической миссии. Ряд военнослужащих проявлял стремление к «красному империализму» – захвату Варшавы и других польских территорий, войне с Германией [9; 180-181]. В силу этого необходимость возвращения немцам уже занятой территории вызвала глубокое разочарование в частях БФ: «Мы нацелились Варшаву брать (осталось 70 км), а нам – уйти за Буг» [12; л. 101]; «Мы же воевали за Варшаву»; «Обидно, воевали, воевали, погибло много людей, и отдали» [27; л. 14,18]. Для этой категории военнослужащих была характерна реминисценция имперских настроений, апелляция к историческому праву, ведь до 1914 года почти вся Польша принадлежала России [22; л. 340]. Они сетовали по поводу отсталости территорий, отошедших к СССР. Так, красноармеец Концевой недоумевал: «Зачем СССР захватил разбитую Польшу, у нас земли и без нее много. Гитлер захватил себе хорошую промышленность» [27; л. 105]. Отказ от Варшавы вызвал недовольство и в других военных округах [22; л. 340].

Не только неудовлетворённые территориальные амбиции волновали красноармейцев, но и последствия их интернациональной миссии: «Мы, красноармейцы, политически по-

нимаем больше, чем население, а вот рабочие скажут, освободили, а потом продали» [27; л. 14]. «Жаль рабочих и крестьян. Мы их обманули» [24; л. 200]. Беспоконство населения еще больше возбуждало военнослужащих. Вместе с тем сам отход за демаркационную линию был аргументом в пользу освободительной миссии, так как убеждал красноармейцев, что к СССР отошли лишь Западная Украина и Западная Беларусь, а не чужие польские территории.

Таким образом, анализ документов о настроениях красноармейцев во время похода в Западную Беларусь частично размывает мажорную композицию всеобщего патриотического порыва и душевного подъема на Белорусском фронте, клонировавшуюся официальной пропагандой. Реакция красноармейцев была весьма разнообразной и зависела от психологических черт характера, материальных и семейных проблем, степени советской идентичности и уровня абсорбции пропагандистских лозунгов кампании. Критика красноармейцев в большинстве случаев не носила системного характера, не затрагивала основ существующего строя. Психологическую устойчивость действующей армии в значительной степени обусловили неадекватное поведение противника и демонстрация местным населением позитивного отклика на грядущие перемены. Вместе с тем, утилитарное отношение к человеку, неподготовленная организация мобилизации и марша обусловили тяготы военнослужащих, которые не сопрягались с реальной необходимостью и провоцировали сомнения в правильности действий, как военного командования, так и советского руководства.

Литература

1. Данилов, И. Записки западного белоруса / И. Данилов. – М.: Диалог, 2006. – 247 с.
2. Димитров, Г. Дневник: Март 1933 – февруари 1949. Избрано. Г. Димитров / сост. Д. Сирков [и др.]. – София: Изток-Запад, 2003. – 496 с.
3. Ильенков, В. С именем Сталина / В. Ильенков // Красная армия – армия героев. Новосибирск: Новосибирское областное книжное изд-во, 1940. – С.40-43.
4. Катаев, В. Путевые заметки / В. Катаев // Братья. – М.: Детиздат, 1939. – С. 19–23.
5. Климов, И.Ф. Далёкое и близкое / И.Ф. Климов. – Минск: Беларусь, 1987. – 342 с.
6. Котенко, И. На освобожденной земле: Путевые записки на Белорусском фронте / И. Котенко. – Ростов на Дону: Ростовское областное книжное изд-во, 1939. – 90 с.
7. Мельтюхов, М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941 (Документы, факты, суждения) / М.И. Мельтюхов – М.: Вече, 2000. – 605 с.
8. Назаўсёды разам: Да 60-годдзя ўз’яднання Заходняй Беларусі з БССР / пад агул. рэд. М.П. Касцюка, І.Я. Навуменкі. – Мінск: Беларуская. Энциклапедыя, 1999. – 252 с.
9. Небезин, В.А. «Если завтра в поход...»: Подготовка к войне и идеологическая пропаганда в 30-х – 40-х гг. / В.А. Небезин. – М.: Яуза: Эксмо, 2007. –317 с.
10. Оглашению подлежит. СССР – Германия. 1939 – 1941: Документы и материалы / сост. Ю.Г. Фельштинский. – Москва: Терра-Книжный клуб, 2004. – 396 с.
11. Освободительный поход: Дневники, очерки, рассказы, стихи. – М.: Военное изд-во, 1941. – 344 с.
12. Российский государственный военный Архив (РГВА). – Ф. 9. – Оп. 36. – Д. 3979.
13. РГВА. – Ф. 9. – Оп. 36. – Д. 3358.
14. РГВА. – Ф. 9. – Оп. 36. – Д. 3574.
15. РГВА. – Ф. 9. – Оп. 36. – Д. 3417.

16. РГВА. – Ф. 9. – Оп. 36. – Д. 979.
17. РГВА. – Ф. 9. – Оп. 36. – Д. 3572.
18. РГВА. – Ф. 9. – Оп. 29. – Д. 505.
19. РГВА. – Ф. 9. – Оп. 36. – Д. 3575.
20. РГВА. – Ф. 9. – Оп. 29. – Д. 546.
21. РГВА. – Ф. 9. – Оп. 36. – Д. 3316.
22. РГВА. – Ф. 9. – Оп. 36. – Д. 3773.
23. РГВА. – Ф. 35086. – Оп. 1. – Д. 257.
24. РГВА. – Ф. 35086. – Оп. 1. – Д. 256.
25. РГВА. – Ф. 35086. – Оп. 1. – Д. 664.
26. РГВА. – Ф. 35086. – Оп. 1. – Д. 255.
27. РГВА. – Ф. 35086. – Оп. 1. – Д. 264.
28. Токарев, В.А. Советское общество и польская кампания 1939 г.: «Романтическое ощущение войны» / В.А. Токарев // Человек и война: война как явление культуры / Под ред. И.В. Нарского, О.Ю. Никоновой. – М.: АИРО-XX, 2001. – С. 399 – 418.

ДА ПЫТАННЯ ДЗЕЙНАСЦІ КАМУНІСТЫЧНАЙ ПАРТЫІ ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ (НА ПРЫКЛАДЗЕ КАМУНІСТЫЧНАЙ АРГАНІЗАЦЫІ М. МОТАЛЬ, ДРАГІЧЫНСКАГА ПАВЕТА)

Рамановіч П.С.

УО «Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна»

Мірны дагавор, які быў падпісаны 18 сакавіка 1921 г. у Рызе прадстаўнікамі Польшчы, РСФСР і УССР, абвяшчаў: стан вайны паміж імі спынены. Паводле Рыжскага дагавора частка заходнебеларускіх зямель (Гродзенская губернія, усходнія раёны Віленскай і заходнія раёны Мінскай губерній) адыйшла ва ўладанне польскай дзяржавы. На тэрыторыі Заходняй Беларусі (больш за 100 тыс. кв. км) пражывала звыш 4 млн. чалавек, у тым ліку беларусы складалі 67 %, палякі – 12-13 %, яўрэі – 9 %, украінцы – 5-6 %, літоўцы – 3 %, рускія – 2 % [1, с. 221].

Прававы статус беларусаў у польскай дзяржаве вызначаўся як Версальскім 1919 г., так і Рыжскім 1921 г., дагаворамі. У артыкуле VII Рыжскага мірнага дагавора сцвярджалася, што “Польшча прадстаўляе асобам рускай, украінскай і беларускай нацыянальнасцей на аснове раўнапраў’я нацыянальнасцей усе правы, што забяспечваюць свабоднае развіццё культуры, мовы і выканання рэлігійных абрадаў” [2, с. 258].

Палітыка кіраўнікоў польскай дзяржавы на тэрыторыі Заходняй Беларусі мела вялікадзяржаўны, шавіністычны, каланізацыйны накірунак. Беларусы разглядаліся як этнаграфічная група, яны не маглі займаць не толькі кіруючых пасадак, але і працаваць на дзяржаўнай службе. У дзяржаўных установах не дазвалялася карыстацца беларускай мовай, культурнае жыццё беларускага народа пастаянна абмяжоўвалася і падаўлялася, закрываліся беларускія школы (у 1938/39 навучальным годзе не існавала ні адной беларускай навучальнай установы, апошняя беларуская гімназія ў Вільні, ў якой навучалася каля 200 вучняў, была ператворана ў філіял польскай гімназіі).

У паланізацыі беларускага насельніцтва значную ролю адыгрывала каталіцкая царква (з 500 існаваўшых у Заходняй Беларусі праваслаўных царкваў больш за 300 сталі каталіцкімі